

Интервью с Александром Юрьевичем МЯГКОВЫМ

«ИНОЙ СУДЬБЫ ДЛЯ СЕБЯ ПРОСТО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛ»

Мягков А. Ю. — окончил Ивановский государственный университет как историк и преподаватель английского языка, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета. Основные области исследования: методология и методы социологии, общественное мнение. Интервью состоялось в 2009-2010 годах.

Траектория жизни Мягкова проста: родился в городе Иваново, получил там образование, социологом стал в Москве, но вернулся в свой родной город. В прошлом Иваново не было отмечено заметной звездочкой на социологической карте России. Мягков со своими коллегами постепенно меняет эту географию. Причем в той ее области, в которой в прошлом одним из лидеров был Ленинград. Это — надежность опросной технологии. Тема — всегда актуальная, но, к сожалению, разрабатываемая сегодня совсем небольшим числом российских специалистов.

Мягков А. Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял»¹

Александр, Вы человек ивановский, поволжский или судьба привела Вас в эти места позже? Когда и где Вы родились? Немного о Вашей родительской семье, о годах обучения в школе...

Я – коренной ивановец. С Иваново связано практически все в моей жизни. Здесь я родился, вырос, получил образование. Это город моих дедов и прадедов, моих родителей. Здесь живут почти все мои близкие и дальние родственники, дети, а теперь и маленькая внучка. Так уж получилось, что за всю мою жизнь, за исключением двух вынужденных и относительно коротких периодов, не превышающих в общей сложности пяти лет, я не менял своего места жительства...

Мой дед по материнской линии, Капустин Василий Венедиктович, был человеком в Ивановской области довольно известным. Он был старым членом партии, в которую вступил еще в начале 1920-х, долгие годы занимался, как тогда говорили, хозяйственным и советским строительством. Участвовал в коллективизации, поднимал колхозы и промышленность на Дальнем Востоке, был, по партийному призыву, в числе «двадцатипяти тысячников». Затем, в середине 1930-х годов, после окончания Ивановского текстильного института и знаменитой Промакадемии в Москве, он был назначен директором ткацкой фабрики на Томне в г. Кинешма Ивановской области. Во время войны руководил текстильной фабрикой в Лежневе (районном центре области), а позже работал в советских органах и в системе областной потребкооперации в г. Иваново.

Бабушка (мамина мама), Капустина Екатерина Николаевна, по своему происхождению – из простых крестьян. Когда-то по моей просьбе она рассказывала, как до революции летом работала в поле на барина, а с осени и до поздней весны, как и многие деревенские жители, на текстильной фабрике в городе, куда на смену каждый день ходила пешком за многие километры. Образования она так фактически и не получила: растила троих детей, вела домашнее хозяйство, жила заботами мужа, семьи, работала швеей на фабрике, постоянно брала какую-то надомную работу, затем нянчила внуков...

По маминим воспоминаниям семья всегда жила очень бедно, материального достатка не было даже тогда, когда отец был «красным директором»: он не мог позволить себе жить лучше других и чем-то отличаться от рабочих. В войну сильно голодали, от голода умер живший тогда вместе с ними дед Николай (мой прадед). После переезда в Иваново квартиры поначалу снимали, своего жилья долго не было. И лишь в самом конце 1940-х или начале 1950-х (сейчас трудно сказать точнее), продав отцовский дом в деревне, смогли купить часть маленького, совсем старого, покосившегося домика с огородиком на ул. Семенчикова в районе, который в нашем городе издавна называли Ямами. Вот этот «частный» дом, стоявший на взгорке посередине оврагов, в котором не было совершенно никаких удобств, ни водопровода, ни газа, я помню очень хорошо. Там прошла юность моей мамы, ее студенческие годы, там мои дедушка с бабушкой прожили примерно до середины 1960-х, до тех пор пока в городе не началось массовое жилищное строительство. Только тогда, в конце своей жизни, они смогли получить небольшую двухкомнатную квартирку в «хрущевке» в новом районе города...

Мой дедушка по линии отца, Мягков Александр Михайлович, был философом, вузовским преподавателем, доцентом (ВАКовским, сказали бы сегодня), более двух десятилетий заведовал кафедрой философии в Ивановском педагогическом институте.

---

1 Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11.

В самом начале 1920-х годов он окончил социально-экономический факультет Ивановского политехнического института (и был одним из первых его выпускников), а затем (после службы в армии) еще и юрфак МГУ. Несколько лет был практикующим адвокатом, позже учился в философской аспирантуре в Воронеже и готовил кандидатскую диссертацию. Но ученую степень ни тогда, ни позже получить так и не смог, хотя пытался выйти на защиту дважды. Оба раза вмешивались политические обстоятельства.

В 1937 г., когда он работал в Иванове и диссертация была готова к защите, его исключили из партии (в первый раз). Повод был достаточно типичным для того времени: его коллегу по кафедре, которого мой дед давно и хорошо знал и которому когда-то давал рекомендацию для приема в партию, обвинили во враждебных идеологических взглядах, несовместимых с линией партии, заклеили позором и признали «врагом народа». Может быть, все и обошлось бы, но дед, со свойственными ему честностью и прямоотой, не согласился с партийным большинством и публично на партсобрании, где решалась судьба его товарища, встал на его сторону, доказывая абсурдность предъявляемых обвинений. Исход был предрешен, последовало исключение из партии.

По рассказам моей бабушки, Евы Михайловны, психологическая атмосфера в доме тогда была очень тяжелой. В течение нескольких месяцев ждали ареста. Каждый день и каждую ночь. К счастью, этого не случилось, но вуз и кафедру пришлось на время оставить. Дед после этого примерно два года работал в обычной средней школе, преподавал русский язык и литературу. Это все, что ему тогда было позволено, историю и иные «идеологические» предметы вести ему не разрешили. И все-таки через два года, после многократных обращений в партийные органы каким-то чудом в партии он был восстановлен решением Ивановского обкома, все обвинения с него были сняты и он смог вернуться к своей прежней работе в пединститут на кафедру.

Второй раз его исключили после войны, по-моему, в самом конце 1940-х или в начале 1950-х. И вновь по каким-то надуманным политико-идеологическим мотивам, о которых сегодня мало кто помнит в нашей семье. Опять пришлось отложить диссертацию в стол до лучших времен. В течение нескольких лет, работая где придется, дед добивался справедливости. Много раз ездил в Москву в различные партийные инстанции, доказывал и убеждал. В конце концов его апелляцию о несправедливом исключении обком (или на этот раз райком?) рассмотрел, решение первички отменил и вновь восстановил в партии. Произошло это только в 1953-м, вскоре после смерти Сталина. Восстановлен он был и в своей прежней должности заведующего кафедрой философии ИГПИ, в которой проработал в общей сложности около двух десятилетий.

Вообще мой дед, как говорили, был исключительным человеком. Его знали и до сих пор помнят очень многие люди, когда-то работавшие вместе с ним или учившиеся у него в ивановских вузах. И хотя сам он так и не защитился, тем не менее помог с диссертациями многим своим знакомым и коллегам по кафедре. Будучи уже студентом и разбирая дедову библиотеку, я многократно встречал книги, научные журналы, сборники статей и т.д. с дарственными надписями от благодарных коллег.

Кроме того, дед был постоянным лектором общества «Знание» и его часто приглашали читать лекции по научно-популярной, политической и международной тематике в города и районы области. Из моих детских впечатлений в памяти до сих пор остались наши с ним поездки по Волге и волжским городам. Дед брал меня собой на свои лекции, которые нередко проходили прямо в рабочих цехах, а иногда и на колхозном поле. Он говорил с людьми, что-то рассказывал, а я сидел и слушал. Вряд ли что-то понимал (мне было тогда лет 8–9), но отдельные слова, фразы, эпизоды до сих пор остались в памяти. Я не знаю, насколько сильно повлияли и повлияли ли вообще эти поездки на последующий выбор мною моей нынешней профессии, но какие-то самые ранние основы профессиональной ориентации они, по-видимому, все же заложили.

К тому же, с самого раннего детства я постоянно слышал от окружающих знакомых и незнакомых мне людей, что я обязательно должен «пойти по стопам» деда и стать если уж не философом, то непременно гуманитарием, работать в вузе и заниматься наукой.

В моей памяти остались также маленький рабочий кабинет деда в доме на ул. Авиационной, его старый письменный стол, обтянутый коричневой немного потрескавшейся кожей и вечно заваленный кипами мелко исписанных бумаг, и, конечно, книги. Очень много книг. Судя по библиотеке, дед был человеком очень образованным и разносторонним. У него были очень разные книги: по философии, истории, литературоведению, искусству, естествознанию, логике, праву. И старые, в том числе редкие, дореволюционные издания, и книги, изданные в 1920-е годы, и более поздние работы советских авторов. Переводные и оригинальные, на французском и немецком языках. И очень много художественной литературы – от классических переводов Шекспира, Диккенса и Теккерея до русских и советских поэтов и писателей. Перелистывая страницы, я видел множество тоненьких карандашных пометок, сделанных рукой деда, каких-то мелким почерком исписанных закладок, сложенных вдвое листов бумаги с различными записями и комментариями. Были они и в работах Вольтера (на французском), и в «Фаусте» Гете, и в поэтическом сборнике Гейне (на немецком). Эти имена, равно как и фамилии Ницше, Шпенглера, Шопенгауэра, Фуко, Гегеля, Канта и др., я впервые прочитал на обложках книг в дедовой библиотеке. Там же позднее, в студенческие годы, я нашел работы историков С. Платонова, В. Ключевского, М. Покровского, А. Валлона, Б. Грекова, Б. Тураева, С. Ковалева, а совсем недавно, уже у себя – и небольшую доставшуюся от деда книжечку А. Кеттле, изданную в России еще в 1865 г.

Первая диссертация деда, насколько я знаю, была посвящена философским проблемам естествознания, поэтому присутствие в доме книг по физике, химии и биологии было вполне закономерным. Хотя возможно, что часть из них могла принадлежать и моей бабушке, Еве Михайловне. Она в самом начале 1930-х гг., имея троих маленьких детей, окончила Ивановский химико-технологический институт и получила диплом инженера-технолога химического производства. Работала на химзаводе, затем много лет преподавала химию в техникуме.

Мои родители (Мягковы Юрий Александрович и Лилия Васильевна) и по происхождению, и по мировоззрению – типичные представители советской интеллигенции. Папа – инженер-энергетик, специалист по теплоснабжению городов, окончил Ивановский энергетический институт. Мама – педагог-филолог, учительница русского языка и литературы. Начинала в сельской школе, а затем практически всю жизнь (до середины 1980-х) работала в областной заочной школе, учила взрослых людей, рабочих с заводов, которые по тем или иным причинам не смогли вовремя получить среднее образование. Так что сферу образования и вообще педагогический труд со всеми его сложностями и проблемами я видел и знал изнутри с самого раннего детства.

В начале 1950-х гг., отца по окончании института распределили на работу в Москву, в Мосэнерго. Но прожили они с мамой там недолго – всего около полугода. Что-то не заладилось с работой, бытовые условия тоже были не лучшими (жили в общежитии), а главное – все время тянуло домой. В Москве с ее непривычным жизненным ритмом и специфическими человеческими отношениями прижиться они так и не смогли. В итоге папе после нескольких его просьб разрешили-таки перевестись в Ивановскую энергосистему. Это был 1953 г., а через год после возвращения моих родителей в Иваново родился я.

Мои первые 8 лет жизни прошли в доме деда. Жили тогда все вместе, большой многопоколенной семьей. Папе по работе часто приходилось ездить в командировки в другие города страны, где он руководил наладкой оборудования на новых ТЭЦ. Мама

работала тогда в «массовой» школе, и у нее были вечные уроки, тетради, проверки и подготовки.

В первый класс я пошел в 1961 г. в начальную школу № 14. Затем так получилось, что я учился в двух ивановских школах. Обе они тогда были новостройками, с большим количеством учащихся (до полутора тысяч человек в каждой), но с очень сильными директорами и учительскими коллективами.

Учился я и в среднем звене, и в старших классах в целом легко и неплохо. Отличником я никогда не был, но всегда считался «крепким четверочником». Удовлетворительные (текущие) оценки обычно вызывали дискомфорт у меня, и недовольство у родителей, а вот тройки за четверть или за полугодие в нашей семье считались чуть ли не трагедией и получать их было категорически нельзя. Иногда они все же случались, правда, лишь по одному предмету, который давался мне труднее остальных и традиционно был для меня камнем преткновения — по математике. В остальных случаях срывов не было, гуманитарий во мне всегда узнавался очень легко.

Школу я окончил с одной тройкой в аттестате (по алгебре), а вообще, в 9-м и 10-м классах занимался довольно много. Готовился к поступлению в вуз. По поводу будущей профессии и вуза больших сомнений ни у меня, ни у родителей в общем-то никогда не было. Все знали, что это будет не техническая, а гуманитарная специальность, так что, как говорится, либо «пед., либо мед.» И в самом деле, сначала я стал готовиться в медицинский, занимался химией и особенно много биологией, но потом, в десятом классе, будто вспомнив о своей профессиональной предрасположенности, окончательно выбрал педагогический.

За пару лет до этого у нас в ИГПИ на истфаке открылась новая специальность — «история и английский язык». Предполагалось готовить учителей для малокомплектных школ, которые могли бы вести преподавание нескольких предметов одновременно. Ни о каком «учительствовании» я тогда, конечно, не думал, все это было очень смутно и далеко, но история как наука меня привлекала, а английский язык добавлял этой специальности какой-то особый шарм. В общем, экзамены в вуз на «истяз» я сдал прилично, набрав 19 баллов из 20 возможных при проходном в 16 баллов и получив лишь четверку по сочинению.

На курс принимали 50 человек и по рейтингу я сначала оказался в первой пятерке. Тем не менее первые полтора года учебы в институте дались мне очень нелегко; процесс адаптации был болезненным и завершился лишь к концу второго курса. Зато, начиная с четвертой сессии и вплоть до окончания вуза, я больше не получал никаких иных оценок, кроме пятерок и учился на повышенную стипендию. Примерно через два с половиной года после нашего поступления институт получил статус университета и был переименован в ИвГУ. Так что, поступив в 1971 г. в Ивановский государственный педагогический институт имени Д.А. Фурманова, в 1976 г. я окончил Ивановский государственный университет имени Первого общегородского Совета...

В СССР долго не было социологического образования, каким был ваш путь в социологию?

Будучи студентом 4 курса, я потихоньку начал приобщаться к научным занятиям. Мой научный руководитель, одна из старейших и заслуженных преподавателей истфака, доцент Анна Владимировна Шипулина, как-то в предложила мне в качестве курсовой работы тему, связанную с изучением условий труда и быта иваново-вознесенских рабочих на рубеже XIX—XX веков. По ее замыслу я должен был проанализировать эту проблему в контексте революционной ситуации и социальных предпосылок первой русской революции 1905 г. Нужны были новые и очень убедительные материалы, доказывающие неслучайный характер возникновения первого общегородского Совета рабочих депутатов (зародыша советской власти) именно в Иваново-Вознесенске. Дело

в том, что через год (в 1975 г.) должен был состояться 70-летний юбилей первого Совета, и в Иваново были намечены разного рода торжественные мероприятия очень высокого уровня. Историки тоже по-своему готовились к этому событию. К тому же в эти годы обострилась давняя дискуссия в научных кругах и, насколько я помню, свердловские историки очень активно доказывали, что зачинателями советского движения в стране были не ивановские, а уральские рабочие.

Общая идея будущей работы мне показалась интересной, и я согласился. Конечно, социология здесь пока совсем не причем, о ней я тогда вообще почти ничего толком не знал. Слышал что-то о «конкретных социологических исследованиях», где-то и кем-то (причем из историков) проводимых на предприятиях среди рабочих, но не более того. Меня, студента-историка, они тогда мало интересовали, я считал их неким вспомогательным и довольно экзотичным инструментом получения научной информации, которым я вряд ли когда воспользуюсь. Слово «социология» встречалось, правда, и в учебниках философии истмата, но исключительно в контексте «критики буржуазных воззрений» западных (и непременно антимарксистских) идеологов. А вот о том, что тема, за которую я тогда взялся, во многом была социологической и работа над ней фактически представляла собой мой первый опыт соприкосновения с социальной проблематикой, я тогда не думал совсем.

В общем, начал работать с литературой, но очень скоро понял, что публикаций по данной проблеме (если не считать двух-трех статей моего научного руководителя) практически нет, эмпирического материала явно недостаточно, зато встретил большое количество ссылок на интересующие меня исторические документы, хранившиеся как в центральных архивах страны, так и в Ивановском областном государственном архиве. Стало ясно, что единственный в данном случае путь для меня — работа в архивах. Изложил ситуацию моему руководителю, она одобрила и сказала, что и как нужно делать.

Я работал с архивными фондами Иваново-вознесенской городской управы, полицейского управления, с социальной статистикой фабрик и заводов, касавшейся условий труда и производственного быта работающих, с отчетами различных комиссий, инспектировавших предприятия города и т.д. Все это было очень интересно, и хотя, помню, что расписывался за то, что не буду делать никаких записей и выписок из прочитанных документов, все равно записи я потихоньку вел, а приходя домой, их разбирал, переписывал и систематизировал...

Руководителю работа понравилась. После этого, как водится, начались выступления с докладами на студенческих научных конференциях в Иваново, а затем и в других городах. Ездил на «большие» конференции союзного уровня в Ярославль и Москву, участвовал во Всесоюзном конкурсе студенческих работ и т.д.

В общем, ничего особенного, все, наверное, как у многих в студенческие годы. Однако к моменту окончания университета я для себя твердо решил: надо проситься работать на кафедру. Между тем шансов остаться в университете тогда, по большому счету, у меня не было. На специальные исторические кафедры молодые преподаватели не требовались, а аспирантура в вузе была только по философии и истории КПСС. Но это — «идеологические» кафедры и туда, не будучи членом партии, попасть (ни в качестве преподавателя, ни в качестве аспиранта) было невозможно. Поэтому когда узнавали, что я всего лишь комсомолец, говорили: «Поработайте пару лет, может быть, вступите в партию, тогда и поговорим». С нашего курса из 50 человек в аспирантуру взяли лишь одного, да и то из-за партийной принадлежности...

Как бы то ни было, но по окончании вуза мы с женой (мы учились в одной группе) получили распределение на работу в районный центр Ивановской области г. Кинешму. Так в моей новенькой, только что заведенной тогда трудовой книжке появилась первая запись, датированная 14 августа 1976 г.: «учитель истории средней

школы им. Д.А. Фурманова города...»

Школа, в которой я работал, считалась одной из лучших и передовых в городе. Там были свои традиции, сложившиеся правила, сильный учительский коллектив. Я вел историю в среднем звене – с 6-го по 8-й классы. Часов было много, другой работы тоже хватало. Был классным руководителем в 7 классе (а это около 40 учеников). В общем, делал все то, из чего складывается повседневный учительский труд.

Не знаю, как бы все сложилось дальше, если бы судьба не сделала новый достаточно крутой поворот в моей жизни. Со второй половины учебного года мною стал очень настойчиво интересоваться военкомат, и в начале мая 1977 г., не дав завершить учебный год, меня призвали в ряды Советской армии.

Служил в войсках связи на Западной Украине в Прикарпатском военном округе, которым тогда командовал генерал-лейтенант (а впоследствии – маршал) В.И. Варенников. Ходил в караулы, нес боевые дежурства, был командиром отделения, работал с молодыми солдатами, вел политзанятия с личным составом, ездил на учения, в том числе, на знаменитые «Карпаты», обеспечивал связь командующему округом. А чтобы не забыть английский, несколько месяцев занимался с командиром взвода, который готовился тогда к поступлению в военную академию.

Домой вернулся в конце 1978 г., и все пришлось начинать заново. Начал искать работу. Были разные варианты. Предлагали, помнится, инструктором обкома комсомола (в отдел культуры), секретарем первички в одном из техникумов, что-то там еще по комсомольской линии, но поскольку общественную, и особенно комсомольскую, работу я с детства не любил, то эти предложения серьезно не рассматривал. Школа не обсуждалась, а в вузы я обращаться самостоятельно не решался, памятуя про отсутствие партийности.

И вот на исходе месяца безуспешных поисков работы мне вдруг позвонил, узнав о моих мытарствах, мой дядя – историк, доктор наук, заведовавший тогда кафедрой в сельхозинституте. Он хорошо знал кадровую ситуацию в ивановских вузах и мог что-то подсказать. В ходе разговора со мной он вспомнил, что некоторое время назад в энергоинституте на кафедре научного коммунизма неожиданно образовалась вакансия: молодого преподавателя, отработавшего всего несколько месяцев, призвали в армию, и срочно был нужен ассистент для работы со студентами. Обещал узнать, не исчезла ли потребность... а уже через пару дней я был приглашен на собеседование.

На кафедре меня встретили два человека, которые впоследствии сыграли очень существенную роль в моем профессиональном (социологическом) самоопределении: завкафедрой Стукалов Владимир Андреевич и партгрупорг кафедры Малышев Всеволод Александрович. Последний был человеком пожилым, с большим жизненным опытом. Участник войны, бывший военный летчик, полковник, зам. командира авиаполка. Несмотря на возраст (а ему тогда было уже за 60), он был человеком очень гибким и восприимчивым к новому. Когда-то окончил Военно-политическую академию им. Ленина, занимался политработой, но был отправлен в отставку в период хрущевской реформы армии, закончившейся, как известно, массовыми сокращениями военных.

В.А. Стукалов, наоборот, был тогда начинающим заведующим, только что получил кафедру, ему не было и сорока. Несколькими годами ранее в Уральском госуниверситете он защитил кандидатскую диссертацию по социологии и был прямым учеником М.Н. Руткевича. Он занимался проблемами социальной структуры и буквально бредил идеей становления социальной однородности советского общества. Работал над докторской по этой теме и лично знал (в основном еще по Уралу) многих известных социологов – специалистов по изучению социальной структуры (Л.Н. Когана, Ф.Р. Филиппова, Н.А. Аитова, Ф.З. Файнбурга, Л.Я. Рубину, В.Г. Мордковича и др.). Кроме того, как я понял позднее, он немного владел методами прикладных социологических исследований, имел определенный опыт

в данной области, что-то пытался проводить сам, а потому активно искал себе единомышленников. В Иванове в те годы людей, имевших сколь-нибудь внятное представление о социологии и реально работавших в этой сфере, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Владимир Андреевич пытался собрать их у себя на кафедре, а параллельно привлекать к прикладным исследованиям молодых вузовских преподавателей. И надо сказать, что кое-что в этом отношении ему сделать удалось. По крайней мере, на той кафедре, на которую я пришел в самом конце 1970-х, работало несколько человек, прошедших неплохую по тем временам школу социологической работы, в частности, в аспирантурах московского Института управления имени С. Орджоникидзе (у В.Г. Подмаркова), в МГУ на философском факультете, в ЛГУ и т.п. Причем из всех ивановских вузов (в те годы в нашем городе их было восемь) социологи были только в энергоинституте.

Собеседование закончилось в целом благополучно: меня готовы были взять, однако это решение, как мне сказали, нельзя было считать окончательным. Оставалось одно и, к сожалению, самое главное «но». Все кадровые назначения по кафедрам общественных наук, включая ассистентов, нужно было непременно согласовывать в обкоме партии. Не в райкоме или горкоме, а именно в отделе науки и учебных заведений обкома. С этим ничего не мог поделаться даже ректор. «Номенклатура...» — как-то невесело резюмировал наш тогдашний разговор партторг кафедры. Смысл этого слова мне был интуитивно понятен, но я никак не мог взять в толк, какое отношение ко всему этому имею я, как начинающий преподаватель вуза. И тем не менее, я тогда не очень волновался, полагая, по своей наивности, что вопрос все же будет решен в мою пользу. Тем более, что еще на собеседовании у меня попросили собрать все мыслимые и немыслимые характеристики, которые только можно было достать: из вуза, из школы, где я ранее работал, и даже из воинской части, где служил. И они были собраны. Однако я сильно просчитался.

В обкоме партии я тогда был впервые. Помню мрачного человека на входе в военной форме с васильковыми погонами, долго проверявшего наши со Стукаловым документы, совершенно пустые, гулкие от шагов и очень длинные коридоры. Неприятные ощущения гнетущей тревожности остались до сих пор. Ждать пришлось долго, за дверью в коридоре, поскольку в кабинет меня не пустили. Вопрос мой решался на уровне зам. зав. отделом обкома А.И. Осипова. О чем они говорили и как складывался разговор, я не знаю, но когда в дверях, наконец, появился совершенно подавленный В.А. Стукалов, я сразу все понял: меня не взяли. Беспартийность вновь встала поперек судьбы.

Пока мы с завкафедрой шли по обкомовским коридорам, он, сбивчиво и очень волнуясь, полусшепотом стал что-то рассказывать про регулирование социального состава партийных рядов, про какие-то еще возможности в сослагательном наклонении, но я почти уже ничего не слышал. Было сильное чувство униженности и обиды. Про партийные ряды я еще мог как-то понять, но на вопрос, причем здесь я, ответа не находил. В моей голове никак не укладывалось, почему мне, комсомольцу, человеку, ни чем, как тогда говорили, себя «не запятнавшему», защищавшему интересы страны с оружием в руках, не доверяют элементарное выполнение профессиональных функций. Почему в школе преподавать историю и обществоведение, не будучи членом партии, можно, а в вузе работать нельзя ни при каких обстоятельствах. Этого я не понимал и отказывался понимать. Слово «люстрация» я тогда еще не знал, хотя по жизни с этим феноменом уже столкнулся напрямую. Позднее, будучи аспирантом, когда я стал знакомиться с советологией, систематически читать журналы «Soviet Studies», «Problems of Communism», работы по тоталитаризму и прочую «спецхрановскую» литературу, все встало на свои места, но в те годы понимания этих вещей у меня еще не было.

К чести Стукалова, он не остановился. Не знаю, как бы сложилась моя жизнь дальше, если бы он тогда отступил. Но через некоторое время он вновь позвонил и предложил, наверное, единственно возможный в тех условиях вариант, предварительно согласовав его с ректором. Я начинаю работать на кафедре научного коммунизма, в течение пары месяцев до начала нового семестра разрабатываю курс, готовлюсь к семинарам и даже начинаю самостоятельно вести занятия со студентами-пятикурсниками, при этом официально оформляюсь на должность лаборанта какой-то технической кафедры. К этому времени одна из доцентов должна была освободить ставку, поскольку уезжала на годичную стажировку на Кубу, и тогда меня могли бы официально перевести (временно) на должность преподавателя. А как быть дальше, время покажет. Думал я недолго и, посоветовавшись дома, согласился.

Когда устраивался на работу, сердобольная тетенька из отдела кадров, с жалостью посмотрев на меня, сказала: «Зачем же вы идете на привод, вы же историк, преподаватель, идите лучше на кафедру политэкономии, там тоже лаборант требуется». Конечно, мне от этого было очень неудобно, но раскрывать все тайны наших с завкафедрой договоренностей я не мог. Так в моей трудовой книжке была сделана вторая запись: «Лаборант кафедры электропривода и автоматизированных промышленных установок», хотя в этой должности я никогда не работал. Между тем заведующий кафедрой и ректор сдержали свое слово, и через два с небольшим месяца я был переоформлен преподавателем кафедры научного коммунизма с припиской «временно». Мой вузовский статус был наконец-то легитимирован.

После школы и армии работа в институте мне показалось не очень сложной. Если, правда, иметь в виду лишь занятия со студентами. Однако была и вторая сторона медали — наука. Во-первых, время от времени у нас на кафедре предпринимались те или иные прикладные социологические исследования, к которым нас, молодых преподавателей активно привлекали. В моем личном архиве хранится анкета первого в моей жизни исследования, в котором я участвовал в качестве анкетера, опрашивая рабочих-строителей относительно условий и организации их труда. Датирована она 1979 годом. Кроме того, с самых первых дней мне были поставлены задачи: срочно определиться с направлением и темой, начать работать со специальной литературой, не позднее чем через два года поступить в аспирантуру, создав предварительный задел в виде сданных кандидатских, нескольких опубликованных статей и максимально возможного объема материала для будущей диссертации. Поначалу все это показалось мне несколько утопичным, поскольку, во-первых, ранее я всегда считал, что научные работы не пишутся в столь короткие и к тому же заданные извне сроки, а являются результатом большой и долгой творческой работы, а во-вторых, было совершенно неясно, какие кандидатские экзамены, по какой специальности и где я должен сдавать. Однако сегодня я вижу, что общая стратегия тогда была выбрана верно, и к аспирантуре через полтора года я подошел с тремя сданными на «отлично» кандидатскими, с несколькими публикациями в научных сборниках и с вполне диссертательной, как мне тогда казалось, темой. При этом почти два года я «безвылазно» просидел в разных библиотеках и этих лет совсем не помню.

Дело оставалось за малым: в аспирантуру нужно было поступить. Место поступления — Институт социологических исследований Академии Наук СССР — определил за меня заведующий кафедрой, я, в свою очередь, не возражал, поскольку к этому времени уже окончательно определился с социологическим профилем будущей работы и вполне осознавал высокий статус академического института. Вместе с тем меня несколько беспокоило одно не очень приятное обстоятельство: на запрос нашего вуза о предоставлении мне целевого места в аспирантуру за месяц до нужного срока пришел недвусмысленный отказ. Это означало, что сдавать экзамены мне разрешалось, но исключительно на общих основаниях и, как мне сказали знающие люди, без каких бы

то ни было шансов на успех: Москва, академический институт, острейшая конкуренция со стороны выпускников МГУ, ЛГУ, а также многочисленных «целевиков» из других городов и союзных республик. Завкафедрой, узнав о министерском письме с отказом, как-то растерянно спросил: «Что будешь делать?» Я ответил: «Буду поступать». Вместе с тем сам я тогда хорошо понимал: чтобы поступить, нужно сдать реферат и все вступительные экзамены только на «пятерки», любые иные варианты исключались, ибо были равносильны провалу. И хотя эта задача сама по себе была очень трудной, ее выполнение в моей ситуации все равно еще не гарантировало успеха. Тем не менее я принял твердое решение и... поступил, набрав максимальный балл и потеснив многих своих конкурентов.

В общем, получается, что Вы – представитель по крайней мере третьего поколения Вашей семьи с высшим образованием. Дедушка был философом, дядя – профессор истории, мама – филолог. Верно ли, что семья в первую очередь определила выбор вами истории как профессии?

Насчет третьего поколения Вы правы. Это действительно так. Что же касается семьи, то, конечно, ее влияние тогда было самым сильным. Иначе, наверное, и быть не может, когда человеку, выбирающему профессию, всего 16–17 лет. Все иные внешние воздействия в этом возрасте обычно становятся второстепенными. Тем более, что я всегда был человеком домашним, и мнение родителей для меня значило очень много.

Мама хотела, чтобы я стал преподавателем, ученым. Папа тоже никогда не возражал. Он и сам очень многие годы (параллельно) работал со студентами энерготехникума и энергетического института. Его все время приглашали то вести дипломные проекты, то рецензировать выпускные работы, то кого-то консультировать и т.д. Поэтому у нас в доме, как правило, в периоды вузовских сессий (зимой и поздней весной), часто бывали студенты с их неизменными тубусами, чертежами и папками. Раскладывался большой стол для просмотра ватманов, ставилась настольная лампа, и начинались долгие и детальные обсуждения. Затем шли замечания, обосновывался текст отзыва или рецензии и т.д. Ко всему этому я за долгие годы настолько привык, что к моменту выбора профессии иной судьбы для себя я уже просто не представлял.

Другое дело – конкретная специальность. История или что-то еще – этот вопрос мог обсуждаться и неоднократно обсуждался тогда в семье. Но всегда, насколько я помню, одно было абсолютно ясно: это будет гуманитарная наука. В принципе это могли быть либо история, либо право. Однако в те годы правоведения, как специальности, ни в одном из ивановских вузов не было, а учеба в каком-то другом городе полностью исключалась. И вообще, говоря откровенно, объективные возможности для выбора профессии в рамках гуманитаристики у меня были весьма ограничены. Иваново – не Москва, не Ленинград и даже не Горький с Ярославлем. Так что решение поступать на истфак, как мне это видится сегодня, было в какой-то мере результатом жизненного компромисса. Хотя, признавая это, я сегодня не испытываю ни малейшего сожаления.

Итак, мы добрались до Москвы. Какой же это был год? Насколько Вы оказались готовым к московскому ритму, к московской культуре? Ведь родители, пожив недолго в Москве, уехали из нее. Как Вас встретил Институт социологии? Кто был тогда во главе института? Кто стал Вашим руководителем? Какие варианты темы рассматривались и на чем остановились? Кто из ведущих в те годы специалистов института, помимо Вашего руководителя, оказал наибольшее влияние на Вашу работу, на общий социологический кругозор? С кем из Вашего поколения Вы были наиболее близки?

Это был 1980-й, через несколько месяцев после московской Олимпиады. Вступительные я сдавал в начале октября, а зачисление состоялось 25 декабря 1980 г. Для меня это, конечно, было событием, поэтому дату до сих пор помню точно.

На официальном вызове значилась подпись: «Директор Института социологических исследований АН СССР, член-корреспондент Т.В. Рябушкин».

В аспирантуру я пришел со своей темой. Никто мне ее не назначал и не подсказывал. Как и почему она возникла, сейчас сказать трудно, но к этому времени я почти год собирал материалы по «советологии интеллигенции», ездил в Ленинку, сначала в общие залы, а потом и в спецхран, сам искал соответствующие книги, западную периодику, тематически близкие диссертации и вообще все, что относилось к этой теме. Обобщил собранное в реферате, который требовался при поступлении. В общем, какие-то идеи и соображения к тому времени уже были. Тем более, что за несколько месяцев до этого тема в предварительном порядке была согласована с Фридрихом Рафаиловичем Филипповым, тогдашним заведомом социальной структуры советского общества, к которому я приехал советоваться насчет аспирантуры. Он встретил меня очень доброжелательно, расспросил, чем хочу заниматься, каким иностранным языком владею, какие у меня есть наработки, что читал и т.д. В конце разговора сказал, что данной темой мог бы руководить Владимир Филиппович Сбытов, который незадолго до этого защитил докторскую и только что принял вновь созданный сектор социологического изучения интеллигенции. Что по этому поводу думал сам В.Ф. Сбытов, я не знаю, но мой реферат он точно читал, что-то в нем, возможно, увидел и готов был взять меня с моей темой в свой сектор.

Так что занимался я критикой советологических концепций интеллигенции, а научная специальность, по которой я поступал, была 09.00.01 – «диалектический и исторический материализм». Позднее, перед самой защитой, по совету Г.В. Осипова, бывшего тогда председателем диссертационного совета, в который я представил работу, специальность мне переквалифицировали на «ноль третью» («история философии»).

Тему в секторе особо не обсуждали, приняли как должное. И лишь накануне предзащиты, когда диссертация была почти готова, мне было настоятельно предложено заменить в названии слово «советологические» концепции на «социологические» с учетом профиля института.

В Москву я приехал в самом конце декабря 1980 г., за несколько дней до Нового года, оформился в отделе аспирантуры, устроился в общежитие аспирантов АН СССР на ул. Островитянова. А вот с научным руководителем смог встретиться и в первый раз переговорить только через месяц, в двадцатых числах января. В.Ф. Сбытов был тогда заместителем директора Института по науке, и ему все время было некогда.

В принципе, по большому счету, так продолжалось и далее, по крайней мере, года до третьего. В общем-то он и не руководил моей работой в буквальном смысле этого слова, так, как это делают сегодня некоторые научные руководители, жестко опекая своих аспирантов. Он просто ставил задачи, согласовывал со мной сроки, контролировал выполнение крупных этапов, выносил мои доклады на заседания сектора и т.д. При этом у В.Ф. Сбытова было одно замечательное качество, мечта любого аспиранта – он никогда не вмешивался в творческий процесс, никогда ничего не редактировал и не правил ни одного слова в моих текстах. Не помогал, но и, что самое главное – не мешал. И даже в окончательном варианте диссертации, после ее прочтения руководителем, я не нашел практически никаких рукописных пометок. Исправлять было нечего...

Наш сектор был новым и тогда только формировался. При мне в нем, кроме В.Ф. Сбытова, работали С.Н. Быкова, Ю.Н. Козырев, А.Н. Величко и несколько молодых сотрудников, включая аспирантов – Г.М. Трегуб, О.В. Крыштановская и др. Каждый, насколько я помню, занимался изучением «своего» отряда интеллигенции: научно-технической, ИТР, медицинской, педагогической и т.д. И в этом смысле я несколько «выпадал» из общей системы такого разделения труда. Маргинальность моего положения состояла еще и в том, что я как бы не был социологом в полном

смысле этого слова. Я не проводил своих эмпирических исследований, не занимался разработкой программ, вопросников, обработкой данных и вообще ничем таким, что свидетельствовало бы о моей прямой принадлежности к соответствующему профессиональному цеху. Меня, однако, это совершенно не смущало, по крайней мере, поначалу. Я видел перед собой одну единственную прагматическую цель: за три года подготовить и защитить диссертацию. Я твердо знал, что не имею права потратить их впустую и, не достигнув результата, вернуться домой, где у меня остались родители, фактически кормившие меня все это время, жена и сын, которому тогда только исполнилось три года.

Отрываться от семьи и привычных домашних условий было, конечно, трудно. Поэтому я поначалу избрал для себя такой режим: две-три недели плотной, с утра и до позднего вечера, работы в московских библиотеках, неделя – дома, но тоже за письменным столом. В секторе больших проблем не было, к этому все отнеслись с пониманием, тем более что никакой потребности в моем постоянном присутствии в институте не было. К чести научного руководителя, он тоже сильно не возражал, хотя и знал о моих постоянных отъездах. Главное, считал он, чтобы работа не стояла на месте, а постоянно продвигалась. И так продолжалось фактически вплоть до самых последних дней моей работы в Москве.

Круг моего личного научного общения, по крайней мере, в первое время, был весьма ограничен и, как правило, не выходил за рамки нашего сектора или отдела. Но причина главным образом – во мне: я сам не искал широких контактов. Мне, возможно, в силу моего склада характера, всегда больше импонировала сосредоточенная работа в тиши библиотек, чем суета публичных дискуссий. И тогда, и в более поздние годы я старался избегать всяческих собраний, заседаний и обсуждений, очень редко участвовал в научных конференциях. И вообще свои первые тезисы на конференцию я послал и опубликовал, уже будучи кандидатом наук, примерно через три года после защиты. Долгое время я считал эту необщительность своим минусом, но недавно, прочитав аналогичные признания Ф.Э. Шереги в Вашем с ним интервью [1], понял, что я в этом плане не одинок.

Из числа сотрудников сектора мне чаще всего приходилось общаться с А.Н. Величко и С.Н. Быковой. Величко (автор известной книги «Социолог на предприятии», написанной совместно с В.Г. Подмарковым) посвящал меня в методические тонкости формулирования анкетных вопросов и технологию построения системы эмпирических индикаторов для измерения тех или иных социальных характеристик. С.Н. Быкова, несколькими годами ранее защитившая кандидатскую диссертацию у Ф.Р. Филиппова по американской социологии образования, была, как говорится, «в материале», хорошо знала работы западных авторов, различные теоретические подходы, поэтому у нас с ней было много общих тем. Кроме того, она много работала, часто публиковалась, вела полевые исследования. Скорее всего, именно она была инициатором привлечения меня к участию в опросах, проводившихся сектором. От нее я получил и первые, тогда еще очень несовершенные, знания и навыки в плане прикладных исследований.

В рамках подготовки к кандидатским экзаменам для аспирантов второго года обучения были организованы небольшие тематические циклы лекций ведущих ученых Института по разным отраслям социологии. Методику социологических исследований читала О.М. Маслова, социологию семьи – М.С. Мацковский, социологию общественного мнения – В.С. Коробейников, социальное прогнозирование – И.В. Бестужев-Лада.

Ю.Н. Давыдов вел спецсеминар по социологии М. Вебера, оставивший в моей памяти самые сильные впечатления. Научный уровень обсуждения был высочайшим. Юрий Николаевич обладал очень глубокими, поистине энциклопедическими

познаниями, но в то же время был очень требователен к себе и, соответственно, к нам – аспирантам. Это знали все, а потому явиться к нему на семинар, не выполнив программу, было невозможно. В то же время он был внутренне очень добрым и снисходительным человеком.

На нашем аспирантском курсе училось, как мне помнится, человек двадцать, однако в силу ряда причин какого-то внутреннего единства у нас никогда не было. К своему тогдашнему кругу близкого общения я отношу Сашу (Александра Фридриховича) Филиппова, с которым мы познакомились еще во время вступительных экзаменов и который, будучи аспирантом Ю.Н. Давыдова, занимался очень редкой для того времени темой – социологией Н. Лумана; Ольгу (Евгеньевну) Трущенко, работавшую под руководством О.Н. Яницкого в секторе социологии города; Ольгу (Викторовну) Крыштановскую и Григория (Михайловича) Трегуба, моих коллег по сектору интеллигенции; и, конечно же, Володю (Владимира Николаевича) Тимохина из Нижнего Новгорода, с которым мы все три года прожили в одной комнате аспирантского общежития (он был учеником С.Ф. Фролова и в Отделе социологии труда занимался исследованиями в области физкультуры и спорта). Годом позже у нас училась Галина (Сергеевна) Широкалова, ныне профессор одного из нижегородских вузов. Из ивановцев мне всегда ближе всех был Валера (Валерий Георгиевич) Ледяев (сегодня профессор «Высшей школы экономики»). Интересно заметить, что все, кого я сейчас назвал, и по сей день работают в нашей профессии, добились немалых успехов в науке, многие защитили докторские диссертации.

Когда вы смогли закончить кандидатское исследование и защитить его?

Диссертацию я завершил за два года, обсудился у себя в секторе в декабре 1982 г., но, несмотря на положительное заключение, этап «предзащиты» у меня на этом не закончился. До сих пор не очень понимаю почему, но через пару недель мне пришлось выступать с докладом еще раз, теперь на совместном заседании двух отделов – «Социальной структуры» и «Теории и истории социологии» (в его рамках тогда работал сектор критики современной буржуазной социологии, которым руководил Ю.Н. Давыдов). Возможно, это было связано с какими-то формальными нестыковками темы диссертации и профиля нашего сектора. Но как бы то ни было, только после всех этих процедур я получил официальное заключение для диссертационного совета и, тем самым, допуск к защите. Руководитель торопил с выходом на совет, а я, наоборот, все оттягивал этот вопрос. В.Ф. Сбытов тогда еще не знал одного нюанса, о котором я, увлекшись разного рода обсуждениями, забыл ему сказать. Дело в том, что у меня оставался несданным еще один, наверное, самый тяжелый кандидатский экзамен – специальность (история социологии). Я планировал его сдавать в мае, на третьем году обучения, когда закончу все хлопоты, связанные непосредственно с диссертацией. Так что пришлось, с одной стороны, немного огорчить своего научного руководителя, уже готового было обсуждать дату и детали моей будущей защиты, а с другой, вновь засесть за книги еще примерно на полгода. И только после сдачи в июне 1983 г. последнего экзамена я смог приступить к подготовке к защите. Она состоялась 18 января 1984 г.

Что Вам удалось сказать относительно советской интеллигенции, что, по Вашему мнению, было ложным в советологических концепциях, в чем они расходились с отечественным видением этого социального образования?

Мне не хотелось бы особо углубляться в эту тему, поскольку сегодня, на мой взгляд, это совершенно не актуально и, наверное, мало кому интересно. К тому же, сказать честно, мне всегда было ясно, что научная и, тем более, практическая значимость «критических» («антисоветологических») работ невелика и в известной мере даже сомнительна. Я прекрасно понимал, что участвую в идеологической борьбе, отстаиваю

и защищаю вполне определенные ценности и вольно или невольно выступаю в роли социального апологета. Между тем эти роли (особенно последняя) мне совершенно не нравились; все это функции государства, а не ученого, и защищать общественный строй от «нападок» советологов мне почему-то не очень хотелось.

Кроме того, по мере вхождения в материал я все больше убеждался, что критика — это особый и очень трудный жанр научного и литературного творчества. Чтобы серьезно дискутировать, а не просто, как тогда говорили, «размахивать дубиной» и в качестве аргументов цитировать классиков марксизма, нужно было быть, во-первых, очень искусственным полемистом, во-вторых, человеком опытным как в жизненном плане, так и в научном отношении и, в-третьих, хорошо знать социальную и политическую систему СССР изнутри, ее устройство во всех деталях и тонкостях. Однако ни того, ни другого, ни третьего у меня тогда, конечно же, не было. Да и задачу свою я видел совсем в другом.

Меньше всего меня волновала степень убедительности (для моих незримых оппонентов) моих собственных контраргументов. Я стремился как можно полнее и точнее воспроизвести содержание западных концепций, понять их логику, изложить аргументы и обоснования. Мне хотелось представить целостную картину советологических взглядов и воззрений на проблему интеллигенции, без изыятий и идеологических купюр. Я считал это важным, поскольку в тогдашней советской литературе идеи западных авторов подавались в усеченном, рафинированном, сильно упрощенном и нередко окарикатуренном виде, приспособленном под возможности критики и имеющиеся у критиков доводы и аргументы. В результате из большинства публикаций ничего невозможно было понять, кроме тезиса об общей идеологической и политической враждебности советологии. А между тем оригинальные тексты работ западных авторов были совершенно недоступны подавляющему большинству наших ученых.

Замечу, мое отношение к советологии всегда было очень двойственным и противоречивым. С одной стороны, советологи в большинстве своем — тонкие и глубокие критики нашего тогдашнего общества, строя и т.д. Многие из того, о чем они писали в те годы, было правильным и соответствовало советской действительности. Однако среди них тоже были разные люди: по степени ангажированности, по политическим взглядам, по отношению к нашей стране, по осведомленности, уровню квалификации, профессионализма и пр. Одно дело — работы (и теории) Д. Белла, А. Тоффлера, А. Гоулднера, Л. Козера, Р. Арона, Д. Лейна... или даже неомарксистов из журнала «New Left Review» (К. Касториадиса, Е. Манделя и др.), и совсем другое — статьи т. н. диссидентов, очень любивших размышлять, например, в журнале «Problems of Communism» о месте, роли и положении интеллигенции в столь нелюбимом ими советском обществе. Так что множество очень разнородных идей и подходов к анализу и оценке интеллигенции, их содержательная и парадигмальная пестрота — первое, что бросалось в глаза даже при беглом знакомстве с англо-американской и западноевропейской литературой того времени. Одних концепций интеллигенции как «нового класса» было, насколько я помню, не менее десятка. И если с теориями «культурного капитала», «постиндустриального общества» или «революции менеджеров» спорить было почти невозможно, то разного рода идеи об интеллигенции как новом классе социалистических собственников, незаконно владеющих всеми объектами общенародной собственности и присваивающих производимый в обществе прибавочный продукт, или интеллигенции как бюрократии и «новом правящем политическом классе» не имели под собой рациональных оснований, сильно расходились с нашей действительностью и лично у меня не вызывали ни сочувствия, ни тем более симпатий.

И вообще, если бы начинать эту тему заново, я многое, наверное, сделал бы не

так, как тогда, в начале 1980-х гг.

Тема интеллигенции и сейчас крайне острая, некоторые из специалистов вообще полагают, что русская интеллигенция «рассосалась», доживает свой век. Каково Ваше мнение? Можно ли сказать, что российские социологи – часть интеллигенции?

Если бы этот вопрос мне был задан в те годы, когда я занимался проблемами интеллигенции, я, вероятно, ответил бы иначе, чем сегодня. И дело не в официальной или предписанной точках зрения. Просто моя собственная позиция с тех пор сильно изменилась. Раньше я был сторонником классического социально-структурного подхода, согласно которому интеллигенция – это особая социальная группа (слой) людей, занятых преимущественно умственным трудом, требующим для его выполнения среднего специального или высшего образования. И в этом смысле интеллигенция мало чем отличается от интеллектуалов в их англо-американской трактовке.

Данный подход в советской социологии всегда противостоял (или противопоставлялся) «внеструктурному», социально-этическому, выделяющему интеллигенцию из всех других классов и групп общества по двум критериям: 1) особому, присущему только ей самосознанию, определенному строю этических, философских и социальных ценностей и качеств и 2) критическому отношению к политическому и общественному строю своей страны. С этой точки зрения, интеллигенция – «ум, честь и совесть народа», искатель правды и справедливости, а потому вечный критик и оппонент власти.

Но вся проблема как раз в том и состоит, что именно этот смысл был изначально заложен в русском слове «интеллигенция»; именно независимость, совесть, способность к состраданию, стремление действовать на благо народа и общества, критический стиль мышления и прочие нравственные качества всегда считались отличительными чертами русской интеллигенции. И в этом, подчеркиваю, изначально, русском смысле слова интеллигенция в современной России практически перестала существовать. Меньшая часть этого бывшего социального слоя оказалась встроенной в нынешнюю систему собственности и власти и вместе с «меркантилизацией» ценностей, когда, кроме денег, ничего не свято, утратила право называться интеллигенцией. Подавляющее же большинство прежней советской интеллигенции, ее массовые слои находятся сегодня в таком униженном, забитом и жалком состоянии, которое вряд ли могли предвидеть в своих антиутопиях советологи 1970–1980-х гг. прошлого века. Страну захлестнул вульгарный антиинтеллектуализм. То, что западные авторы всегда ставили в вину социализму, стало неотъемлемой частью государственной политики в современной России. Правда сегодня об этом все молчат, в том числе и наши правозащитники, и западные аналитики – представители постсоветологии. Молчит, к сожалению, и сама интеллигенция. И социологи тоже исключением не являются. Само слово «интеллигенция» полностью исчезло из политического лексикона и даже из повседневного языка. Оно сохраняется лишь на страницах отдельных научных журналов, где иногда обсуждается данная тема. Даже в научных кругах термин «интеллигенция» сегодня вызывает иногда подчеркнутое неприятие и отторжение, т. к. ассоциируется с «архаикой советских времен».

Аспирантура закончена, диссертация защищена... что далее?

Вернулся в Иваново и вновь стал работать на той же кафедре, с которой ушел в аспирантуру. В.Ф. Сбытов перед моим отъездом из Москвы несколько раз пытался завести разговор о моей возможной работе в ИСИ АН СССР, предлагал остаться в секторе, обещал решить вопрос с московской или подмосковной пропиской. Но, с моей точки зрения, тогда, в тех условиях все это было маловероятно или, по крайней мере, очень хлопотно. Поэтому серьезно я этот вопрос не воспринимал, ни с кем более

его не обсуждал, и в феврале 1984 г. приступил к работе на своей прежней кафедре.

Уезжая, я полагал, что вернусь из суетной Москвы в тихое и спокойное Иваново и все будет замечательно, однако я сильно заблуждался. С точки зрения работы, разница между академическим институтом, к которому я успел уже привыкнуть, и провинциальным техническим вузом оказалась громадной. Буквально в самые первые месяцы я понял, что работать здесь невозможно, общая психологическая атмосфера в вузе за прошедшие годы стала совершенно невыносимой, отношение к нам, гуманитариям, со стороны руководства (ректората, деканатов, парткома и проч.) было просто дискриминационным. Фальшь, лицемерие, интриги, постоянные «проработки» на всех уровнях, высокомерие, унижение и несправедливость стали своего рода нормой вузовской жизни середины 1980-х гг.

Профессионализм совершенно не был востребован, никакая социология (равно как и история, философия и проч.) никому не была нужна. Всех мучили так называемой «общественной работой», которая представляла собой изошренную форму эксплуатации и была тогда главным критерием оценки профессиональной деятельности любого преподавателя, от ассистента до профессора.

Не будучи членом партии (а к тому времени уже и членом ВЛКСМ), я сначала робко, а затем и открыто начал возражать и возмущаться против этих порядков, отказываясь от бесчисленных «нагрузок» и поручений. Однако кончилось все это плохо. Сначала наш тогдашний декан, как мне рассказывали, на каком-то из партсобраний, назвав мою фамилию, публично заявил: «Такие преподаватели нам не нужны». Меня все чаще стали называть «неуправляемым», «неудобным» и т.д. На всю жизнь запомнил также, как в 1984 г. один из областных партийных чиновников в моем присутствии на полном серьезе обсуждал с нашим ректором по телефону возможность подготовки официального письма в ВАК от имени ивановских партийных органов и руководства вуза с ходатайством о лишении меня ученой степени кандидата наук за то, что я «не люблю партию». Доподлинно знаю и об инициативе партфункционеров уволить меня из вуза по какой-то там очень «страшной» статье (то ли 249, то ли 254, сейчас не помню), навсегда лишившей бы меня права работать в системе образования.

Серьезных оснований для каких бы то ни было санкций против меня у моих недоброжелателей не было, тем не менее, мне сразу же после всех этих событий запретили читать лекции студентам, посчитав опасным мое влияние на умы молодежи, и надолго заблокировали избрание на должность доцента. В результате свое первое ученое звание я получил лишь через пять лет после защиты диссертации — в самом конце 1988 г.

И все же от одного общественного поручения я не смог отказаться и выполнял его с удовольствием и интересом. Было это в начале 1986 г. В стране начиналась перестройка, аналогичные процессы пошли и в нашем институте. Сменилось все руководство вуза. Пришел молодой, прогрессивный ректор. Был избран новый секретарь парткома, мысливший в перестроечном духе. Уволили прежнего декана. Ушел (хотя и добровольно) со своей должности бывший заведующий кафедрой.

В вузе заговорили о необходимости систематического изучения и учета общественного мнения преподавателей и студентов и, соответственно, о создании социологического Центра ИЭИ. Сначала мне было поручено заняться организационными вопросами, подготовкой документальной базы, подбором кадров, составлением рабочих и перспективных планов, а затем и возглавить работу по проведению конкретных эмпирических исследований «под ключ» силами вновь созданного Центра.

Чем мы тогда занимались, что исследовали? Всем, что сами считали нужным и актуальным: изучением общественно-политической активности студентов, их отношения к выбранной специальности, анализом студенческого самоуправления

в вузе, исследованием эффективности только что введенной в институте новой системы организации учебного процесса («РИТМ»), оценкой деятельности парткома в условиях перестройки и т.п. Проводили небольшим коллективом в среднем по 10–12 исследований в год. Никто над душой у нас не стоял, тематику не навязывал, сроки не регламентировал. Требовалось лишь ставить в известность руководство вуза, прежде всего партком, о наших планах и представлять отчеты о результатах исследований, но это были сущие мелочи по сравнению с доперестроечными временами. Нам была предоставлена практически полная свобода мысли и действий.

Не могу сказать, что нам очень нравилась та проблематика, которой мы занимались. Дело было совсем в другом. С одной стороны, мы, «обществоведы», фактически впервые за многие годы и десятилетия в своем институте оказались по-настоящему востребованы. К нам сразу изменилось отношение в вузе. Наши опросов ждали, интересовались их результатами, серьезно обсуждали, публиковали, озвучивали на разных уровнях, делали выводы, что-то меняли и т.д. Это был настоящий прорыв. С другой стороны, для нас очень важен был тот исследовательский и прежде всего методический опыт, который мы все вместе нарабатывали в ходе проводимых тогда исследований. Ведь до Центра у меня он вообще был минимален, самостоятельных (своих) исследований я прежде не проводил и уж тем более никогда не выступал в роли их организатора и научного руководителя. Все остальные сотрудники (даже несмотря на то, что некоторые из них были социологами по базовому образованию, полученному в УрГУ и ЛГУ) в лучшем случае имели лишь самое общее, теоретическое представление о методике организации и проведения социологических опросов. Так что многое пришлось постигать по книгам и в процессе практической работы. Все держалось лишь на интересе и личном энтузиазме, который подпитывался осознанием собственной востребованности.

Поначалу мы вели только внутривузовские исследования, но, начиная с 1987 г., постепенно стали выходить на уровень города и области, работать с промышленными предприятиями как текстильного, так и машиностроительного профиля на хозрасчетных началах, с редакциями областных газет, радио и телевидения, а с конца 1980-х гг. — и с органами власти и управления на уровне города и области. О социологическом Центре ИЭИ серьезно заговорили.

Стали поступать заказы на проведение исследований, просьбы о публикации наиболее значимых результатов в различных СМИ. Работы значительно прибавилось, но и известности в регионе — тоже. Примерно за три перестроечных года (1988–1990) только мною было опубликовано более 50 больших социологических материалов (объемом до целой газетной полосы) на разные темы практически во всех ивановских газетах и журналах. Большая работа велась также на «Радио Иваново», а несколько позднее и на местных каналах телевидения.

В эти годы, насколько я помню, мы работали сумасшедшими темпами. В моем архиве сохранились многие десятки (70–80) анкет, разработанных для исследований тех лет. На промпредприятиях мы изучали текучесть кадров, социально-психологический климат в коллективах, условия труда и производственного быта работающих женщин, эффективность бригадных форм организации труда, проблемы производственного самоуправления, пытались прогнозировать социальную напряженность в трудовых коллективах. Парткомы крупных фабрик и заводов, в том числе знаменитого ИСПО, интересовались изменениями, происходящими в социальной базе КПСС и ВЛКСМ, а также отношением к партии в нашем тогдашнем обществе.

На общегородском уровне исследовали динамику политических ориентаций городского населения, общественное мнение жителей Иванова о работе предприятий торговли и общественного питания, о путях ускорения решения жилищной проблемы, вопросы развития социальной инфраструктуры города, перестройки в системе

образования, социальной поддержки школьных учителей и т.д. В те годы наш Центр был единственной в Иванове организацией, проводившей массовые опросы населения.

С конца 1990 г. мы первыми в городе начали серьезно заниматься электоральными исследованиями и прогнозированием исхода голосований. И выборы мэра г. Иваново 1990 г. стали для нас первой серьезной проверкой на профессионализм. Прогноз, к всеобщей радости, оказался удачным и на редкость точным. С этого момента к нашим рекомендациям начинают прислушиваться, а прогнозным оценкам — доверять. Начался новый этап в нашей деятельности, связанный, с одной стороны, с проведением регулярных общегородских социологических исследований по заказу и при поддержке городской администрации, которые мы продолжаем и по сей день, а с другой, — с социологическим обеспечением избирательных кампаний разного уровня (выборы президента РФ, депутатов Государственной думы от Ивановской области, губернатора области, мэра областного центра, депутатов областной и городской Думы и т.д.).

Социологический Центр номинально имел общеинститутский статус, но фактически существовал при нашей кафедре и был ее неотъемлемой составной частью. Под влиянием деятельности Центра менялась и кафедра, которая в 1989 г. по нашей инициативе решением ученого совета института была переименована в кафедру теории социализма и социологии, а в 1990 г. (т.е. еще в советский период) — в кафедру политологии и социологии. Социологическая проблематика в нашей тогдашней учебной деятельности была представлена, по понятным причинам, пока еще очень слабо, но кое-что и в этом плане тоже удалось пробить. В частности, в 1988 г. я начал читать студентам двух инженерных факультетов небольшой факультативный спецкурс по эмпирической социологии, включавший самые общие вопросы методики прикладных социологических исследований. Через год в вечернем университете марксизма-ленинизма я вел уже расширенный курс методологии и методов исследования (порядка 50 ч.) для партийных работников и линейных руководителей промышленных предприятий, учреждений и организаций города.

Опыт практической исследовательской работы, накопленный за предшествующие годы, мне тогда очень пригодился, а опыт чтения лекций по методике помог в дальнейшей преподавательской деятельности. В сентябре 1991 г. у нас в институте была открыта специальность «Социология» и наша кафедра стала выпускающей.

Как вы в те годы планировали и реализовывали городские и региональные выборки? Как проводили опросы? Контактировали ли вы по этим темам с московскими специалистами?

Без всякого преувеличения могу сказать, что к организации выборочных исследований и вообще ко всем методическим вопросам мы всегда относились серьезнейшим образом. В нашей исследовательской практике применялись разные модели, типы и виды выборок, от случайных до квотных и даже «конформных». Все зависело от характера исследования, его предмета, объекта, целей, задач, в общем, от того, что мы обычно называем спецификой исследовательской ситуации. Вместе с тем немаловажную роль в такого рода вопросах играют и ресурсы (временные, человеческие, финансовые), имеющиеся в нашем распоряжении. Ведь конструирование выборки — это всегда цепь вынужденных компромиссов, и здесь нам часто приходится лавировать между Сциллой стремления к точности и Харибдой многочисленных ресурсных ограничений.

В исследованиях на промышленных предприятиях мы обычно использовали многоступенчатые случайные выборки, в частности, стратифицированные с последующим пропорциональным серийным или гнездовым отбором (на уровне бригад, например). В массовых опросах населения чаще практиковали квотную модель с контролем распределений респондентов по роду занятий, а с конца

1990-х гг. — по полу и возрасту опрашиваемых. Между тем было несколько случаев, когда в электоральных исследованиях (в порядке эксперимента) мы применяли случайную выборку с систематическим отбором респондентов по спискам избирателей. Однако в качестве данных, насколько я помню, мы тогда ничего не выиграли, а с точки зрения оперативности много потеряли. В результате, с учетом этого не очень удачного опыта, предпочтение впоследствии мы стали отдавать квотной модели.

Поначалу это были простые квотные выборки с отбором «на усмотрение» интервьюера, но примерно с 1993 г., мы окончательно перешли на многоступенчатые комбинированные («квотно-случайные») варианты.

Некоторым социологам-методистам принципиально не нравится сам термин «квотно-случайная» применительно к выборке. Г.Г. Татарова, например, постоянно критикует меня за то, что я пытаюсь ввести в научный оборот «неудачную метафору». Между тем, на мой взгляд, данный термин как раз очень хорошо и точно отражает суть производимых исследователем процедур, состоящих в комбинировании двух известных выборочных моделей: сначала различные методы случайного отбора (стратификация, маршрутная рандомизация, систематический отбор домохозяйств), а затем (на завершающей стадии) квотирование по основным контрольным признакам. Такая схема довольно проста с точки зрения реализации, понятна интервьюерам и хорошо контролируется. Вместе с тем она не позволяет полевому персоналу допускать разного рода вольности, неизбежно оборачивающиеся систематическими смещениями: опрашивать, например, своих знакомых или людей, наиболее доступных в момент опроса. Респонденты, подходящие под заданные квоты, отбираются, таким образом, не произвольно, по усмотрению интервьюеров / анкетеров, а с элементами случайности. И это самое важное. Что же касается термина «квотно-случайная выборка», то он уже давно и прочно вошел как в повседневный лексикон профессиональных социологов, так и в научные тексты. Его часто можно встретить, например, в англоязычных методических журналах при описании смешанных моделей выборки. Хорошо знаком он и нашим исследователям общественного мнения, занимающимся производством массовых опросов. По крайней мере, впервые я услышал этот термин еще в начале 1990-х гг. от моих коллег из ВЦИОМа.

В 1990-е годы мы много экспериментировали с выборками и прежде всего с т. н. «последовательной» (кстати, в свое время предложенной Джорджем Гэллапом) и «комбинированной» стратегиями определения объема выборочной совокупности. Очень хотелось понять две вещи: 1) каким должен (может) быть оптимальный объем квотной выборки для общегородских мониторингов по социально-экономической и политической проблематике и 2) какой признак (или признаки) следует использовать в качестве базового (базовых) при осуществлении процедур квотирования.

В ходе наших многократных экспериментов было установлено, что стабилизация количественных показателей (в пределах 1–2%) по всем основным переменным чаще всего наступает уже на уровне 650–700 анкет, а следовательно, это и есть тот самый порог, за которым дальнейшее увеличение числа опрашиваемых не имеет никакого практического смысла. Этого объема выборки, как оказалось, вполне достаточно и для автоматической репрезентации структуры городского населения по «независимым» контрольным переменным (например, доход и образование), по которым имеется объективная статистика. Интересно, что последующие исследования, проводившиеся в Иванове, многократно подтвердили правомерность этого вывода.

Наши эксперименты показали также, что признаки «пол» и «возраст», традиционно используемые в качестве контрольных, отнюдь не являются универсальными для квотных выборок. Между тем род занятий, или социально-профессиональный статус респондентов, как правило, тесно коррелирующий с возрастом, образованием и доходом, лучше всего подходит в качестве квотируемой (контрольной) переменной.

Для сбора эмпирических данных вплоть до начала 1990-х гг. мы использовали преимущественно (наверное, в 95% всех случаев) очное индивидуальное (реже групповое) анкетирование. Даже в поквартирных опросах предпочтение тогда отдавалось методу «самозаполнения» в присутствии анкетера. А вот с 1993–1994 гг. (отчасти под влиянием западных тенденций) полностью и надолго перешли на персональное интервью. Телефон же не использовали никогда, по принципиальным соображениям. С одной стороны, уровень телефонизации населения в середине 1990-х гг. в Иванове был крайне низким и составлял всего 28%. При этом в отдельных административных районах города этот показатель был еще ниже. К настоящему времени общий уровень, конечно, вырос (примерно до 66%), но все равно он вряд ли может считаться достаточным для получения репрезентативных данных в телефонном интервью. Кроме того, наши исследования, проведенные еще в те годы, показали существование высоких корреляций между наличием домашнего телефона и некоторыми ключевыми социально-демографическими переменными: возрастом, родом занятий и уровнем доходов респондентов. И никакие известные нам тогда методы случайного отбора респондента в семье (в том числе и процедуры Л. Киша) не приводили к положительным результатам. Смещения все равно оставались.

Многие годы все наши опросы мы проводили сами, исключительно силами сотрудников Центра и преподавателей кафедры, однако в связи с переходом на персональные интервью и массовые опросы по месту жительства нам пришлось много заниматься созданием собственной сети интервьюеров, поддержанием ее в рабочем состоянии, обучением полевого персонала и т.д. После открытия на кафедре социологической специальности и появления «своих» студентов (в 1992 г.) эта проблема стала решаться несколько проще, хотя и не автоматически.

С точки зрения технологии обработки данных мы тогда, наверное, мало чем отличались от большинства региональных социологических центров среднего уровня. Когда мы только начинали свои первые исследования (в 1980-е гг.), обработку осуществляли с помощью знаменитых тогда «таллинских» программ на больших советских ЭВМ (ЕС они, по-моему, назывались) в институтском вычислительном центре силами специалистов ВЦ (благо, что вуз технический, хоть в этом-то повезло). Позднее, когда перешли на персональные компьютеры (у нас в институте и на кафедре это произошло в 1993 г.), стали работать в программе SStat; SPSS освоили в 1998 г.

Все методические и организационные решения мы всегда принимали сами, обычно подолгу обсуждая основные нюансы будущих исследований. Хотя, конечно, это не значит, что мы «варились в собственном соку». Как и прежде, плотно общались с горьковскими (нижегородскими) социологами из филиала (а позднее – отдела) Института социологии (С.С. Балабановым, В.Н. Тимохиным и др.). Продолжались контакты с учеными из сектора интеллигенции ИС, который к тому времени возглавлял В.А. Мансуров (в 1988 г. я проходил там четырехмесячную стажировку). По каким-то вопросам советовались с О.М. Масловой, Н.В. Андреенковой. Обменивались опытом, проводили совместные полевые исследования с социологами из владимирского отделения ИНФОДЕМО (Щипков В.И. и др.). Проблемы, связанные с организацией и методикой исследований, обсуждали с Э.В. Клоповым и сотрудниками его отдела в Институте международного рабочего движения АН СССР. В 1987–1988 гг. мы вместе с ними работали над проектом по изучению производственного самоуправления в трудовых коллективах (по результатам исследований, проведенных на ивановском поле, была опубликована целая серия наших статей сначала в сборниках ИМРД и ИС, а затем и в журналах «Рабочий класс и современный мир», «Техника и наука» и др.).

Вместе с тем должен признать, что в большинстве своем это были ситуативные контакты, и, несмотря на их исключительную важность, не они все-таки являлись главным источником вдохновения и новых идей. Наиболее существенную роль в этом

смыслепо-прежнемуиграласпециальнаянаучнаялитератураиопытнашихсобственных исследований и экспериментов. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов мы экспериментировали не только с выборками, но и с формой и формулировкой вопроса, социологическими шкалами, традиционными и нетрадиционными методами сбора данных, апробировали различные измерительные подходы, методики повышения достоверности ответов респондентов и т.д. Для меня это было время очень интенсивных методических исследований, результаты которых впоследствии составили основу моей докторской диссертации. С другой стороны, это был один из самых счастливых периодов в моей жизни, когда работа захлеб приносила величайшее наслаждение.

Теперь переходим к Вашей работе над докторской диссертацией...

С тех пор прошло немало времени, поэтому сейчас мне трудно сказать точно, как, когда и почему появилась тема, связанная с диагностикой и профилактикой неискренних ответов респондентов. Сегодня мне кажется, что я всегда жил этой темой, по крайней мере, с тех пор, как стал заниматься методологией социологических исследований и самостоятельно проводить опросы общественного мнения. Для меня давно было очевидно, что в опросных исследованиях качество информации очень сильно зависит от того, насколько искренне опрашиваемые отвечают на вопросы исследователя. Теории «правдивого респондента», получившие довольно широкое распространение как у нас, так и на Западе, и утверждавшие, что «неискренних ответов не бывает», совершенно не убеждали. Между тем исследовательская практика, начиная с пионерной работы Г. Хаймана «Do they tell the truth?», опубликованной в «Public Opinion Quarterly» еще в 1944 г., и кончая самыми последними методическими исследованиями Р. Гроувза, Р. Туранжо, К. Расински, Т. Смита, Дж. Катанья, С. Садмена, Н. Брэдберна и многих других, напротив, давала массу очень ярких примеров, недвусмысленно свидетельствующих об опасности «ошибок сообщения»... Но если быть совсем откровенным, то все началось с прочтения небольшой брошюры Андрея и Елены Давыдовых «Измерение искренности респондента» [2], попавшейся мне в 1993 г. и явившейся затем мощным импульсом для многих моих дальнейших исследований и экспериментов...

Я не учился в докторантуре, не уходил в с.н.с.(ы), не брал творческий отпуск, а потому вплоть до дня защиты, работая в техническом вузе, в полном объеме выполнял многочисленные обязанности заведующего недавно созданной (в конце 1996 года) социологической кафедры. У меня не было официального научного консультанта, не было, в отличие от многих, и какого-то особого периода, в течение которого я бы «писал» диссертацию. Все происходило каким-то иным, совершенно непринужденным и, как мне кажется, естественным образом. Сегодня, по прошествии времени, могу твердо сказать: свою докторскую я не «вымучивал», она выросла из всех моих предыдущих исследований.

Долгое время я не позволял себе даже думать о своей работе в терминах «докторской диссертации». Я просто работал, с упоением читал западных авторов, перечитывал наших, искал новые, необычные идеи, планировал и проводил методические эксперименты, довольно много писал (и почти всегда ночами), публиковался в центральных социологических журналах, завоевывал признание в профессиональной среде. Все это мне очень нравилось... И, наконец, в какой-то момент понял, что тот замысел, который я в течение многих лет (года с 1998-го) вынашивал и держал до поры до времени в голове, не решаясь системно изложить на бумаге и уж тем более назвать докторской диссертацией, почти реализован, пора систематизировать и упорядочивать имеющиеся текстовые материалы, выстраивать их в соответствии с определенной внутренней логикой, в общем, завершать когда-то начатую работу. Это был ноябрь 2001 года...

А в первых числах декабря, предварительно созвонившись, я приехал к Геннадию Семеновичу Батыгину. Привез статью для «Социологического журнала», а заодно решил посоветоваться по диссертации и прозондировать возможность защиты в совете ИС РАН (ни о каком ином совете, по моему тогдашнему убеждению, не могло быть и речи). К тому же, мне очень нужна была объективная оценка моей работы человеком, которого я чрезвычайно ценил и к которому всегда относился с огромным уважением. Мы немного знали друг друга, причем достаточно давно, еще с начала 1980-х годов. Я тогда был начинающим аспирантом, а он – ответственным секретарем (или зам. главного редактора) «Социологических исследований». В редакции, собственно говоря, и познакомились. Мою статью по буржуазной социологии интеллигенции, которую я рискнул предложить журналу, он тогда деликатно отклонил (кстати, несмотря на положительный, как мне стало известно, отзыв М.Н. Руткевича), но я был совершенно не в обиде, т. к. понимал высокий статус этого академического издания и весьма скромно оценивал научный уровень своего аспирантского опуса. С тех пор мы почти не общались, если не считать коротких встреч в Ленинке и заочных контактов по линии «Социологического журнала». Так что фактически это была наша первая встреча после многолетнего перерыва...

Меня тогда сильно поразили теплота приема и непринужденность общения. Было такое ощущение, как будто мы всю жизнь знали друг друга и никогда не расставались. «Вот это тот самый Мягков», – сказал Г.С. Батыгин, представляя меня сотрудникам своего сектора и журнала. Я был буквально потрясен его словами и тем, что меня, оказывается, здесь знают и помнят.

Я выложил на стол план (оглавление) диссертации, список своих трудов, рукопись монографии, двумя часами ранее сданную в издательство «Флинта; Наука», и озвучил свои намерения. На мою робкую просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Геннадий Семенович неожиданно ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее».

С этого времени наше общение стало регулярным. Не проходило, наверное, и недели, чтобы мы не обменивались звонками или и-мейлами. В конечном счете у нас сложились очень теплые, искренние человеческие отношения, отношения взаимного партнерства и сотрудничества, постепенновышедшие далеко за рамки моей диссертации. Помню, с каким огромным удовольствием я и мои молодые коллеги по кафедре, специально приезжая в Москву, участвовали в работе знаменитых методологических семинаров, проходивших вечерами под эгидой Г.С. Батыгина в секторе социологии знания, как обсуждали новые, только что вышедшие или готовящиеся к печати книги, как писали статьи для «Социологического журнала», с каким волнением готовились к своим предзащитам мои тогдашние аспиранты. Невозможно забыть и то, с каким упоением мы работали над международным проектом по изучению молодежных девиаций, задуманном Г.С. Батыгиным совместно с социологами из Швейцарской академии социального развития, а затем уже в Иванове, у нас на кафедре все вместе обсуждали результаты наших исследований; как ходили по ивановским «коридорам власти» и различным общественным организациям, продвигая наш общий проект, а потом готовили и проводили международную конференцию «Будущее российской молодежи» в самом конце мая 2003 г. И хотя, к сожалению, успели мы до обидного мало, тем не менее, время, когда нам посчастливилось совместно работать и общаться с Геннадием Семеновичем и его замечательной «командой» единомышленников навсегда останется в моей памяти и в памяти всех моих ивановских коллег...

Я планировал завершить работу в ближайшие месяцы, но смог выйти на предзащиту лишь через год – в самом конце декабря 2002-го. О результатах исследований, по давно заведенной в секторе социологии знания традиции, докладывал на «Батыгинском» семинаре. Народу собралось много, были специалисты

из разных научных, исследовательских и вузовских центров, в том числе и из других городов. Обсуждение длилось часа три с половиной, с неизменными «кофембрейками». Помню, что критики в адрес моей работы было не очень много, коллеги в основном поддерживали. Что-то советовали, в чем-то сомневались, но все это было очень позитивно и выдержано исключительно в доброжелательных тонах. В качестве оппонентов позднее, на совете, утвердили Виктора Владимировича Знакова из Института психологии РАН — одного из немногих в стране специалистов по проблемам диагностики правды и лжи, Геннадия Семеновича Батыгина и известного социолога-методиста Михаила Ивановича Жабского из научно-исследовательского Института кино. Ведущей организацией назначили петербургский Социологический институт РАН, сектор Валерия Борисовича Голофаства.

Когда через некоторое время я привез Г.С. Батыгину готовый экземпляр автореферата, он, мельком взглянув на вторую страницу, где была впечатана дата моей предстоящей защиты, заметил: «А вот это вы зря!» — «А что, — удивленно спросил я, — разве что-то еще может произойти?» — «Может... — ответил он, — ...может быть все что угодно, даже самое непредвиденное... нужно быть готовым к любым неожиданностям». Я не знаю, что тогда имел в виду Геннадий Семенович, но его слова, увы, оказались пророческими: 1 июня 2003 г. его не стало...

Совет, первоначально назначенный на 4 июня, отложили, а вместо заседания были похороны... Моя защита состоялась двумя неделями позже, но все это уже было не то...

Прошло шесть лет, что удалось сделать за это время?

После защиты был небольшой период, связанный с «профессиональным выгоранием». Однако особо хандрить было некогда. Почти сразу пришлось включиться в бесконечную череду плановых и внеплановых массовых опросов и электоральных исследований, которых в 2003—2005 гг. у нас было особенно много.

Учебная работа тоже не давала расслабиться. Студенческие проекты, аспирантские исследования, постановка и чтение новых курсов, открытие своей аспирантуры, подготовка к министерским аттестациям кафедры и специальности. За это время нам дважды удалось отстоять свое право готовить профессиональных социологов (а вузовские преподаватели знают, чего это стоит). Много времени и сил отнимало администрирование.

В научном плане вновь вернулся к своей прежней проблематике, связанной с изучением ответных смещений, хотя теперь она уже виделась мне гораздо шире. Здесь я старался следовать общей логике, заданной когда-то Р. Гроувзом [3]. В свое время, анализируя природу «невыборочных» ошибок, он выделил четыре основных источника их возникновения: респондент, интервьюер, инструмент и метод. В диссертации я сделал лишь первый шаг к их описанию и осмыслению, хотя и не считал тогда эту работу законченной. Фактически ее удалось в какой-то мере завершить лишь в 2007 г. публикацией книги «Искренность респондентов в сенситивных опросах: Методы диагностики и стимулирования», написанной на материалах не только прежних, но и вновь проведенных методических исследований [4].

Вместе с тем другие факторы смещений, требующие ничуть не меньшего внимания, по-прежнему оставались не до конца проясненными. Их изучению был посвящен целый ряд наших «инициативных» кафедральных проектов, по результатам которых, помимо десятка журнальных статей [5—7], мною и моими коллегами были написаны еще две монографии — «Эффект интервьюера в персональном интервью: Методология анализа и методы оценки» (Иваново, 2006, совместно с И.В. Журавлевой) [8] и «Повышение качества данных в телефонном интервью: Методология и методы» (в соавт. с С.Л. Журавлевой) [9]. Хорошо, что все эти книги увидели свет. Жаль только,

что они вышли малыми тиражами и в периферийном издательстве.

Из учебной литературы опубликованы три полнотекстовых учебника по различным дисциплинам для студентов-социологов и несколько методических пособий. Скоро должна выйти из печати и подготовленная нами хрестоматия по методологии социологических исследований.

В ближайших планах – продолжение экспериментов с вопросными формулировками и исследований по изучению возможностей адаптации техники «рандомизированного ответа» к телефонным интервью. А в перспективе очень хотелось бы вернуться к давно интересующей меня проблеме молодежной суицидальности, исследование которой я начинал еще в ранние 2000-е. Здесь тоже кое-что уже сделано.

Литература

1. [Шереги Ф.Э.: «У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти»](#)// Социальная реальность: Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2007. № 9. С. 65–83.
2. Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Измерение искренности респондента. М.: Институт социологии РАН, 1992.
3. Groves R.M. Survey Errors and Survey Costs. New York: Wiley, 1989.
4. Мягков А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах: Методы диагностики и стимулирования / Федеральное агентство по образованию; Ивановский гос. энерг. ун-т. Иваново, 2007.
5. Мягков А.Ю., Журавлева И.В. Объяснительные модели эффекта интервьюера: Опыт экспериментального тестирования // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 85–97.
6. Мягков А.Ю. Всегда ли респонденты говорят правду? Мета-анализ зарубежных источников // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 20–31.
7. Мягков А.Ю., Журавлева С.Л., Прокофьев Е.Н. Модель «вынужденного ответа»: Экспериментальная оценка эффективности // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30 (в печати).
8. Мягков А.Ю., Журавлева И.В. Эффект интервьюера в персональном интервью: Методология анализа и методы оценки / Федеральное агентство по образованию; Ивановский гос. энерг. ун-т. Иваново, 2006.
9. Мягков А.Ю., Журавлева С.Л. Повышение качества данных в телефонном интервью: Методология и методы / Федеральное агентство по образованию; Ивановский гос. энерг. ун-т. Иваново. 2010.